

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

УДК 81'373

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-8-18

НАПОЛНЕНИЕ КАТЕГОРИИ «НЕОЛОГИЗМ» ПО ДАННЫМ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Ба Юйсинь

*Московский государственный лингвистический университет
119034, г. Москва, Остоженка, 38, Российская Федерация*

Аннотация. Статья посвящена уточнению понятия «неологизм» в сознании образованного носителя языка по его воплощению в результатах эксперимента. Вводится понятие временного пространства языка в сознании его носителей, исследуются факторы, влияющие на его формирование, обращая исследование к когнитивистике. Уточняется стилистическая трактовка неологизма. Делается вывод о содержании ядра и периферии понятия «неологизм». Выявляются закономерности сокращения промежутка между появлением слова и его словарной фиксацией и факторы, влияющие на возникновение, частоту употребления и распространение слова в политическом дискурсе.

Ключевые слова: неологизм, временное пространство индивидуального лексикона, корпусная лингвистика, экспериментальный метод, композиционная семантика.

CONTENT OF "NEOLOGISM" CATEGORY ACCORDING TO THE DATA OF A SOCIOLINGUISTIC EXPERIMENT

Ba Yuxin

*Moscow State Linguistic University
38, Ostozhenka, Moscow, Russian Federation, 119034*

Abstract. The article is devoted to clarifying the "neologism" concept in the mind of an educated native speaker by its expression in the results of the experiment. We herein introduce the concept of temporal area of language in the mind of native speakers, explore the factors that influence its formation, thus turning our research to cognitive science. We also clarify stylistic interpretation of neologism, make conclusion about the content of the core and the periphery of the "neologism" concept. Besides, we identify patterns of reducing the gap between the ap-

pearance of a word and its dictionary fixation, point out the factors influencing occurrence, frequency of use and dissemination of a word in political discourse.

Keywords: neologism, temporary space of the individual vocabulary, corpus linguistics, experimental method, compositional semantics.

Исследователи неоднократно отмечали, что определение центрального понятия неологии – неологизма – не лишено субъективности. Разные его стороны описывают несколько концепций, возникших в русле неологии. Их изучила и систематизировала Т.В. Попова [5, с. 4-16]. Суммируем их достоинства и недостатки.

«Стилистическая» теория неологизмами называет «стилистически маркированные слова, значения слов и фразеологизмы, употребление которых сопровождается эффектом новизны» [5, с. 4]. Е.В. Сенько уточняет, что нужна «своеобразная маркированность временем, которая влечёт за собой известную необычность, свежесть на фоне привычных языковых форм, малоизвестность (или неизвестность) в широком употреблении» [6, с. 22]. Однако даже сторонник «стилистической» теории А.Г. Лыков признаёт, что новизна не имеет формальных показателей и её трудно измерить. Психолингвистическая теория «определяет неологизм как языковую единицу, не встречавшуюся ранее в индивидуальном речевом опыте носителя языка» [5, с. 8]. Для объективации оценки выдвигается идея усредненного показателя новизны, полученного в ходе экспериментов с представителями разных социальных и возрастных групп. Однако такой подход был бы слишком затратным. Лексикографическая теория, представленная в работах К. Барнхарта, а также отражённая во французской лексикографии, опре-

деляет неологизм как слово, которое не отмечено в актуальных словарях. Такое понимание делает неологизм узколингвистическим термином и не учитывает отношения носителей языка к новым словам, желания узнать их значение, переосмыслить, обыграть. В результате из категории неологизмов исключаются языковые единицы, которые были внесены в словарь с небольшим временным зазором после их появления в речи, хотя носитель языка такое слово воспринимает как новое, свежее, способное войти в моду или быть подвергнутым критике. Согласно денотативной теории, отражённой, в частности, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой, неологизм – «это слово, обозначающее новое явление (денотат, реалию) или понятие» [5, с. 9]. В этом определении присутствует всё тот же невнятный параметр 'новое'. Кроме того, приращения смысла в новом производном слове могут быть едва ощутимыми, не всеми замечаемыми, как у глагола и при номинализации. Сторонники структурной теории считают, что неологизмами могут быть слова, которые обладают формальной, структурной новизной. Это слишком узкое понимание инноваций, которое вызывает много возражений. Наконец, конкретно-историческая теория, обоснованная Н.З. Котеловой, исходит из того, что «понятие неологизма исторично и относительно» [2, с. 14-18], поэтому к нему надо подходить, предварительно выработав систему параметров-

конкретизаторов: 1) время появления слова; 2) «языковое пространство», в котором функционировало прежде и функционирует теперь слово, или сфера его употребления; 3) тип новизны языковой единицы. Всё это учтено в следующем определении: неологизмами называются «как собственно новые, впервые образованные или заимствованные из других языков слова, так и слова, известные в русском языке и ранее, или употреблявшиеся ограниченно, за пределами литературного языка, или ушедшие на какое-то время из активного употребления, а сейчас ставшие широко употребительными», а также «производные слова, которые существовали в языке потенциально и были образованы от давно образовавшихся слов по известным моделям лишь в последние годы» [1, с. 7]. Несмотря на кажущуюся точность, за выражением «последние годы» может скрываться, как мы покажем ниже, разрыв от года до 30 и более лет, в зависимости от степени регулярности фиксации новых слов словарями, от социальных изменений, технического прогресса, языкового опыта того, кто идентифицирует слово как неологизм.

С появлением корпусной лингвистики стало возможно установить примерное время возникновения нового слова. Это позволило нам поставить задачу измерения параметрических свойств неологизмов. Прежде всего, мы задались целью определить, какой временной интервал может отделять первые употребления новых слов от их словарной фиксации. Для этого мы работали предварительно составленный словарь, куда вошли все слова из наших источников [7], подчёркнутые программой Word как не включённые

в её лексикон. По Национальному корпусу русского языка [4] мы установили год первого употребления каждой единицы словника в письменной речи¹, а по имеющимся словарям – год фиксации в них соответствующего слова. В результате удалось выяснить, что разрыв между появлением лексической инновации в письменной речи и её словарной фиксацией может составлять от одного года (*обменник* 2000 / 2000) до 43 лет (*пофамильно* 1956, Солюхин / 1999).

Чтобы изучить вес других параметров, введённых Н.З. Котеловой для идентификации неологизмов, мы решили провести эксперимент. В нём приняли участие 35 человек – студенты-лингвисты 1 и 2 курса. Им были предложены 30 слов из нашего словника: *алкозамок, беспилотник, внеурочка, встреча, гособлигация, евроценности, зоозащитник, импортозамещение, корпоратив, кофеман, крупняк, машино-место, нацик, недропользователь, низкодоходный, обменник, околоправительственный, олимпиадник, подследственность, пофамильно, предрейсовый, провластный, прослушка, распоряженец, расстуденчивание, спецпользователь, спецсигнал, турпоток, экологичный, экстремал*. Задание состояло в том, чтобы отметить неологизмы (в широком понимании, сформированном в рамках школьной программы), а затем письменно мотивировать своё решение не относить к этой группе каждое из оставшихся слов. Проводя эксперимент, мы осознавали, что исследуем языковое со-

¹ Мы принимаем во внимание, что в устной речи слово могло появиться раньше, а также то, что выборка текстов в Национальном корпусе русского языка неполна.

знание образованного носителя языка, не являющегося специалистом-филологом и тем более лексикографом.

Ниже представлены результаты эксперимента: в скобках через запятую указывается год первого употребления слова, по данным НКРЯ, и количество его фиксаций в корпусе, за косой чертой следует дата первой обнаруженной нами словарной фиксации, прочерк означает отсутствие данной лексической единицы в словарях; за скобками указано количество студентов, указавших на слово как на неологизм; после двоеточия даётся сводное обоснование, извлечённое из 35 анкет.

алкозамок (2009, 3 / –) 33;

беспилотник (2001, 112 / 2014) 18: частотно в новостях, на слуху, термин, образовано от узуальной основы по стандартной модели, вошло в употребление ещё в прошлом веке, разговорный универбат от *беспилотный самолёт*;

внеурочка (отсутствует в НКРЯ, выдаётся поисковым запросом в Google в текстах, относящихся к 2012 / –) 21: явление было ещё во времена стахановцев; внутренняя форма указывает на реалию, которая существовала и раньше; универбат от *внеурочная работа*; разговорное, жаргон рабочих;

встречка (2002, 252 / 1998) 13: возникло с появлением возможности у населения активно покупать автомобили, двухполосное движение существует уже по меньшей мере 50 лет; понятность внутренней формы; всем известно, разговорное;

гособлигация (1996, 281 / 2014) 10: историзм, до XXI в., выпуск ценных бумаг государством существует давно; понятность внутренней формы; было термином, но в последнее время акти-

визировалось в бытовой речи; широко распространено в СМИ, в официально-деловом стиле;

евроценности (2007, 1 / –) 28: ценности в Европе всегда отличались от российских;

зоозащитник (2004, 67 / –) 26: термин;

импортозамещение (2000, 150 / 2004) 26: понятность внутренней формы; термин;

корпоратив (2005, 284 / 1998) 20: реалия существует давно, ушло в народ – «Народный корпоратив», распространённость явления; заимствовано раньше других новых заимствований; с 90-х гг. XX в., после развала СССР; употребительно в СМИ;

кофеман (1982, 30 / 1998) 25: кофе появилось в России 300 лет назад (замечена модельная аналогия с *киноман*);

крупняк (1995, 91 / 1998) 9: из крестьянского быта; крупный рогатый скот, крупная рыба, крупная особь животного; реалия существовала давно, а значит, могло и существовать слово; понятность внутренней формы; распространённость; разговорное, жаргонное;

машино-место (2004, 30 / 1998) 24: новое, но не настолько, чтобы считать неологизмом; узуальность входящих в слово морфем;

нацик (2006, 8 / –) 16: нацисты существовали уже 70 лет назад; разговорная форма от *нацист*;

недропользователь (1992, 303 / 2004) 30: понятность значения;

низкодоходный (1989, 102 / 1998) 5: от всем известного термина; используется в сочетании с *бизнес* с начала 2000-х гг.; узуальность морфем; явление могло существовать давно;

обменник (2000, 329 / 2000) 12: валюта, как и её обмен, существует давно; понятность внутренней формы (проведена аналогия с *файлообменником*);

околоправительственный (1995, 13 / –) 21: историзм, могло быть когда угодно, такие партии существовали и 100 лет назад; образовано по стандартной модели; термин;

олимпиадник (2003, 14 / –) 22: понятность внутренней формы; разговорное, профессионализм;

подследственность (1997, 52 / 1998) 15: давняя сфера деятельности, не новое понятие; понятность внутренней формы; распространённость словообразовательной модели, давность существования морфем-слагаемых; термин;

пофамильно (1956, 24 / 1999) 5: не вводит новых явлений, фамилии были давно, пофамильные списки солдат при отправке на фронт в Великую Отечественную войну; понятность внутренней формы;

предрейсовый (2001, 26 / 1998) 16: может относиться к автобусам, поэтому могло возникнуть ещё в начале XX в.; замечена модельная аналогия; употребительность; входит в состав воспроизводимых сочетаний – *предрейсовый осмотр*; профессионализм;

провластный (2003, 71 / –) 25: явление существует давно, например, партия кадетов в начале XX в.; понятность внутренней формы; термин;

прослушка (1998, 337 / 2004) 11: реалия из СССР; появилось с рождением телефона и телеграфа, спецслужб; употребительно в фильмах; понятность корня; разговорное, жаргонное;

распоряженец (отсутствует в НКРЯ, выдаётся поисковым запросом в Google в текстах, относящихся к

2010 / –) 12: XIX в., всегда были люди с функцией распоряжаться; понятность внутренней формы, употребительность морфем; просторечие, окказионализм;

расстуденчивание (отсутствует в НКРЯ, выдаётся поисковым запросом в Google в текстах, относящихся к 2010 / –) 29: замечена модельная аналогия с *раскулачиванием*, окказионализм, жаргонное;

специпользователь (2006, 1 / –) 26: компьютеры появились давно; понятность внутренней формы; термин;

спецсигнал (1996, 196 / 2004) 16: специальные сигналы подавались и на кораблях XVIII в.; образовано по стандартной модели, понятность внутренней формы; термин;

турпоток (2004, 182 / 2004) 26: словообразовательный тип относится к временам СССР, аббревиатура от понятного словосочетания не является новым словом;

экологичный (1989, 441 / 1998) 14: сохранение природы было всегда; прилагательное не образует нового понятия; интернационализм; употребительный корень;

экстремал (1997, 359 / 2004) 23: понятность внутренней формы, употребительность.

Анализ результатов эксперимента позволил сделать следующие выводы. Интерпретация слова как нового идёт сразу в двух направлениях: по денотату и номинату, так что и «денотативная» и «стилистическая» концепции оказываются верными, но только как альтернативы, между которыми выбирает интерпретатор. Это согласуется с выводами когнитологов о работе мозга: информационный сигнал в нём распространяется сразу по нескольким путям.

Если участник эксперимента замечает, что явление или артефакт для него новые, потому что о них заговорили относительно недавно (например, о *беспилотнике*) или он по номинату не может представить себе реалии (например, *алкозамка*), он относит слово к неологизмам. Эксперимент выявил свойство памяти достаточно произвольно располагать момент появления реалии на шкале времени. Так, *беспилотник* один из информантов отнёс к артефактам, появившимся ещё в прошлом веке.

В ряде случаев информанты в силу своего возраста (17–21 год) не могут помнить время возникновения явления, но выводят его путём умозаключения: автобусы существуют с начала XX в., слово *предрейсовый* может называть действия, связанные с автобусом (*предрейсовый осмотр автобуса*), следовательно, оно существует с начала XX в. В некоторых случаях испытуемые опираются на идеологемы: *прослушка* – явление, возникшее в СССР. Время появления слова может меняться в зависимости от того, какая часть значения, находится, по выражению Е.С. Кубряковой, «в активной зоне говорящего» [3, с. 450]. Так, если слово *прослушка* интерпретируется информантом как 'прослушивание **телефонных** разговоров' и в активной зоне его сознания оказывается техническое средство, то он датирует явление временем изобретения телефона, т. е. второй половиной XIX в.; если в дефиницию попадает дополнительная деталь – 'прослушивание телефонных разговоров **спецслужбами**', то явление получает неопределённую для самого опрашиваемого датировку 'со времени возникновения спецслужб'. Это по-

зволяет сделать вывод, что временное пространство языка оказывается гибридом (блендом) [8] реального и фикционального ментальных пространств¹, а время появления производного слова может отодвигаться носителем языка к началу формирования словарного гнезда.

Мы вводим понятие «временное пространство языка», под которым понимаем следующее. Язык концептуализируется как контейнер (*слово имеется в языке*), имеющий пространственную и временную протяжённость (*уровни языка, на всём протяжении развития языка*). В соответствии с этой когнитивной метафорой носитель языка, задавшись вопросом о времени происхождения слова, располагает его относительно других слов и иных контрольных точек, сформированных личным и социальным опытом, в определённом месте своей когнитивной модели пространства языка.

В этой ситуации становится очевидной ценность выводов психолингвистической теории. Мы разными путями пришли к пониманию необходимости определить, что является психологической границей новизны слова. Наивысшие показатели частоты отнесения слова к неологизмам (26–33) у лексических единиц, зафиксированных НКРЯ 6, 7, 9, 10, 12, 16 и 24 года назад, т. е. в среднем слово (без учёта его специфики) воспринимается как новое в течение 12 лет. Один из информантов сам назвал психологическую границу – не более 30 лет.

¹Под реальным ментальным пространством понимаются более или менее объективные результаты отражения мира. Фикциональное ментальное пространство – это субъективная комбинация фрагментов отражения мира и фантомов.

Установив, что часть ориентиров во временном пространстве языка формируется социально-историческим опытом, мы предположили, что знание о принадлежности реалии к новой или ушедшей эпохе (даже если рубеж недалеко отстоит от актуального момента) должно влиять на отнесение её обозначения к неологизмам. Эта версия, на первый взгляд, подтверждается: *корпоратив* в сознании информантов – явление новой, постсоветской России, а потому индекс отнесения слова к неологизмам оказался достаточно высоким – 20. Однако *обменник*, появившийся, по данным НКРЯ, всего за 5 лет до *корпоратива* и тоже представляющий собой постсоветскую реалию, имеет индекс 12, т. е. лишь один из трёх информантов причислил это слово к неологизмам. Решающим явилось то, что в активной зоне при интерпретации *обменника* оказалась рематическая часть (*обменник* – это 'место, где **обменивают валюту**'), и соответствующий ей сценарий в сознании студентов-лингвистов, изучавших в момент проведения эксперимента историю страны выбранного ими языка, оказался встроенным в ментальное пространство, отражающее не Россию, а некую иную страну, где обменные операции совершались веками. В результате датировка оказалась связанной не с производным словом, а с инференциями¹. Таким образом, мы пришли к выводу, что ощущение положения слова во временном пространстве языка формируется не только представлениями о денотате, но и особенностями интерпретации номината.

¹ Инференции – это значения, устанавливаемые “в процессе особого семантического вывода из составляющих элементов словообразовательных конструкций” [3, с. 402].

Наш эксперимент позволил уточнить «стилистическую» трактовку неологизма. Эффект новизны, необычности чаще производят слова, значения которых не выводятся из суммы значений морфем, т. е. характеризующиеся, по Р. Лангакру, частичной композициональностью [9]. Самый высокий индекс отнесения к неологизмам оказался у слова *алкозамок*. Не зная денотата, трудно соединить алкоголь и замок. Так возник эффект необычности. Сделанный вывод заставляет назвать соответствующий параметр-конкретизатор не стилистическим, а композиционно-семантическим (от «композиционная семантика», см. [3, с. 439-458]). Подтверждением нашего вывода служат комментарии информантов: они не включают лексическую единицу в состав неологизмов, если она понятна, образована от всем известного слова, относится к продуктивному словообразовательному типу. Не владея лингвистической терминологией, студенты тем не менее точно указывали на словообразовательный тип с помощью языковой аналогии: *кофеман* как *киноман*, *расстуденчивание* как *раскулачивание*. Отмечаются также случаи смешения композиционно-семантического и денотативного описания: «*Турпоток* – таким способом слова образовывались во времена СССР».

К числу новых слов большая часть испытуемых не относилась универбаты – однословные номинации, образованные путём сложения корней двух слов, составляющих словосочетание: *внеурочка* имеет индекс 21, *встречка* – 13. Действительно, универбат является стилистическим дериватом, при этом он может быть семантически

тождественным словосочетанию, от которого образован, как *встречка*, или иметь инференции, как *внеурочка*, т. е. внеурочная работа учащегося в стенах школы. Примечательно, что возможность инференций в универбатах игнорируют два из трёх испытуемых.

Информанты игнорируют модификационные семантические преобразования в производном слове. Лексеме *экологичный* был дан соответствующий комментарий: «Не образует нового понятия». Не учитываются добавленные в процессе словотворчества коннотации. Уничажительный суффикс *-ик-* и усечение основы у слова *нацик* были оставлены без внимания более чем половиной испытуемых. Отказ считать слово новым они мотивировали давностью существования денотата. Это говорит о том, что существует иерархия значимости определённых сторон денотата и номината, влияющая на локализацию слова во временном пространстве языка.

Некоторые из опрошенных обращают внимание на освоенность слова, а точнее, на его способность входить в воспроизводимые сочетания. Так, на полную освоенность лексемы *корпоратив* должно, по мнению информанта, указывать клише *народный корпоратив*. Примечательно, что в активную зону его сознания попала и собственно языковая сторона (синтагматические связи), и денотат – «слово ушло в народ», т. е. денотат получил широкое распространение.

Представление об освоенности слова базируется также на частоте его употребления в СМИ и / или в бытовой речи. Важно также, насколько близка информанту сфера бытования данной лексемы. Так, не получившие

ещё фиксации в словарях *внеурочка* и *олимпиадник* одним из трёх испытуемых не были отнесены к неологизмам, поскольку связаны с жизнью школы, всё ещё близкой студентам 1 и 2 курса. Интересно, что сфера бытования лексической единицы по-разному описывается разными информантами (*внеурочка* в анкетах охарактеризовано и как разговорное слово, и как жаргон рабочих), из чего следует, что сведения о ней могут черпаться из личного опыта, а могут и выводиться из значения и коннотаций компонентов или из инференций, получаемых при интерпретации слова.

Заимствованное слово информанты охотнее относят к неологизмам, чем слова, полностью или частично образованные из русских морфем. Так, *экстремал* и *крупняк* при примерно одинаковом времени первой фиксации в НКРЯ (1997 и 1995 г. соответственно) имеют индексы 23 и 9. Это является подтверждением композиционно-семантической концепции: внутренняя форма заимствованных слов непрозрачна, а потому эффект новизны сильнее.

Эксперимент показал, что испытуемые не склонны относить к неологизмам слова, по их мнению «употреблявшиеся ограниченно, в узкой сфере и теперь ставшие широко известными» [2, с. 22], а также производные от таких слов, созданные по стандартным моделям. Так, слово *подследственность* отнесли к неологизмам меньше половины опрошенных. Можно сделать вывод, что информанты оценивали пространство языка в целом, а не только хорошо знакомую им область. При этом они не принимали в расчёт, что незнакомая им терминосистема или

жаргон могут пополняться новыми словами. Всё, что за пределами активной зоны, представляется статичным и неизменным.

Наши наблюдения позволяют сделать следующие выводы. С развитием Интернета и появлением корпусных методов, как бы критически ни относиться к их точности, стало возможным фиксировать время возникновения нового слова, частоту его употребления и распространение в разных речевых сферах. По этой же причине значительно сократился промежуток между появлением слова и его словарной фиксацией. В этих условиях понимание неологизма как не зарегистрированного словарями слова стало бы чисто техническим. В рамках антропоцентрической парадигмы необходимо учитывать отношение носителя языка к слову как к новому. Наше исследование позволяет сделать вывод, что таковыми будут считаться лексические единицы, зафиксирован-

ные корпусами в границах 0–15 лет, 1–200 употреблений. Эта категория имеет ядро и периферию. В ядерную зону попадают слова с новым денотатом или таким номинатом, который характеризуется либо частичной композициональностью, либо необычностью словообразовательной модели, неблагозвучностью и прочими видами отклонения от словообразовательной нормы. На периферии окажутся слова с модификационными и транспозиционными семантическими преобразованиями, стилистические дериваты, лексические единицы, ранее функционировавшие в узкопрофессиональных сферах и в указанные выше сроки получившие распространение в общелитературном языке.

Наше исследование имеет и вторую сторону, обращённую к когнитивистике. Оно позволило установить, как формируется временное пространство языка в сознании его носителей.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Котелова Н.З. Предисловие // Новые слова и значения: словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М.: Советская энциклопедия, 1971. С. 5-15.
2. Котелова Н.З. Первый опыт лексикографического описания русских неологизмов // Новые слова и словари новых слов. Л.: Наука, 1978. С. 5-26.
3. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004. 560 с.
4. НКРЯ – Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 17.12.2015–05.02.2016).
5. Попова Т.В. Русская неология и неография. Екатеринбург: ГОУ ВПО УГТУ–УПИ, 2005. 96 с.
6. Сенько Е.В. Инновации в современном русском языке. Владикавказ: ИП, 1994. 183 с.
7. СЗГД – Стенограммы заседаний Государственной Думы. – 20.01.2015 – 27.01.2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru> (дата обращения 29.10.2015–02.02.2016).
8. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Bradford Book, 1985. 181 p.
9. Langacker R. W. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.

REFERENCES

1. Kotelova N.Z. Predislovie [Preface] // *Novye slova i znacheniya: slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-kh godov* [New words and meanings: dictionary based on materials of press and literature of the 60s]. M., Sovetskaya entsiklopediya, 1971. pp. 5–15.
2. Kotelova N.Z. Pervyi opyt leksikograficheskogo opisaniya russkikh neologizmov [The first experience of lexicographical description of Russian neologisms] // *Novye slova i slovari novykh slov* [New words and the dictionaries of new words]. L., Nauka, 1978. pp. 5–26.
3. Kubryakova E.S. Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoi tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira / In-t yazykoznaniya RAN [Language and knowledge: On the way of getting knowledge about language: Parts of speech from cognitive point of view. The role of language in understanding the world / Institute of linguistics RAS]. M., Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. 560 p.
4. NKRYA – Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Elektronnyi resurs]. [RNC – National corpus of the Russian language [E-source]]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (request date 17.12.2015–05.02.2016)
5. Popova T.V. Russkaya neologiya i neografiya [Russian neology and neography]. Ekaterinburg, GOU VPO UGTU–UPI, 2005. 96 p.
6. Sen'ko E.V. Innovatsii v sovremennom russkom yazyke [Innovations in the modern Russian language]. Vladikavkaz, IR, 1994. 183 p.
7. SZGD – Stenogrammy zasedanii Gosudarstvennoi Dumy. – 20.01.2015 – 27.01.2016 [Elektronnyi resurs]. [TMSD – transcripts of the meetings of the State Duma. – 20.01.2015 – 27.01.2016 [E-source]]. URL: <http://transcript.duma.gov.ru> (request date 29.10.2015–02.02.2016)
8. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge: Bradford Book, 1985. 181 p.
9. Langacker R.W. Cognitive Grammar. Oxford: Oxford University Press, 2008. 562 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ба Юйсинь – аспирант факультета по обучению иностранных граждан Московского государственного лингвистического университета;
e-mail: byxlisa@126.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ba Yuxin – postgraduate student at the Department of training of foreign citizens in Moscow State Linguistic University;
e-mail: byxlisa@126.com

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ССЫЛКА

Ба Юйсинь. Наполнение категории «неологизм» по данным социолингвистического эксперимента // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2016. № 5. С. 8-18.
DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-8-18

BIBLIOGRAPHIC REFERENCE

Ba Yuxin. Content of "neologism" category according to the data of a sociolinguistic experiment // Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology. 2016. no. 5. pp. 8-18.

DOI: 10.18384/2310-7278-2016-5-8-18